

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Дьячков С. В., Кадеев В. И. Фракийцы в Северном Причерноморье в первых веках н. э. // Вісник Харківського державного університету. – № 385: Історія. – Вип. 28. – Харків, 1994. – С. 39 – 48.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

ФРАКИЙЦЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ Н.Э.

Римские гарнизоны в городах и военных лагерях на территории Северного Причерноморья состояли из vexillationes легионов и вспомогательных войск, расквартированных в Нижней Мезии. Вполне естественно, что в составе этих воинских контингентов оказались представители туземного фракийского населения. Фракийцы издавна славятся как воины и использовались как наемники в различных греческих государствах [1, с. 48]. После завоевания Фракии и Мезии римляне стали проводить наборы фракийцев во вспомогательные войска и уже в I в.н.э. из них было сформировано 37 когорт и ал, получивших название "фракийских" [1, с. 49]. Еще интенсивнее набор в римскую армию проходил во II в. н.э. [52, с. 71]. Со времен Адриана фракийцы пополняли не только вспомогательные войска, но и личный состав римских легионов Нижней Мезии, гарнизонные vexillationes которых размещались в Северном Причерноморье. Нередко фракийских солдат и младших офицеров сопровождали члены их семей, родственники. Таким образом фракийцы оказались не только в составе гарнизонов, но и среди гражданского населения, что приводило к определенному распространению их культурного влияния.

После М.И.Ростовцева [27; 29], впервые обратившего внимание на присутствие фракийцев в составе римских войск в Северном Причерноморье, к этой проблеме стали обращаться и другие исследователи [39; 22].

В настоящее время имеются новые археологические и эпиграфические свидетельства, которые позволяют пополнить наши представления о фракийцах в Северном Причерноморье, некоторых сторонах их быта, религиозных воззрений; уточнить отдельные уже известные факты, свидетельствующие о пребывании фракийцев в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре. При изучении этих вопросов мы опираемся не только на археологические и эпиграфические данные, но и в значительной мере на ономастические, хотя при изучении этнических проблем рассматриваемой эпохи они не во всех случаях являются надежным источником ввиду того, что с конца I в.н.э. в римской армии провинциалам стали присваиваться новые имена, нередко скрывавшие этническую принадлежность солдата [41, с. 9; 45, с. 24].

Римские войска в Ольвии были размещены, видимо, еще при Адриане [27, с. 12]. Однако первое упоминание о них относится

ко времени правления Антонина Пия, когда римляне оказали помощь жителям города в отражении натиска варваров [50, *SHA. Ant. Pius*, IX, 9].

Немногочисленный ономастикон латинских надписей Ольвии позволяет тем не менее сделать ряд выводов относительно этнического состава римского гарнизона. Начальник гарнизона центурион Италик [46, № 322] носил когномен — топикон, известный среди рабов [40, III, № 729]. Имя выдает провинциальное происхождение центуриона, которое не отличалось, видимо, от происхождения большинства его подчиненных.

Имя Валерия Мукотралис не вызывает сомнений по поводу его фракийского происхождения [46, № 237]. Когномен Мукотралис образован от популярного фракийского имени *ΜΟΥΚΑ* [41, с. 101; 51, с. 258]. В надписях солдаты, носившие это имя, часто указывали свое фракийское происхождение [40, III, № 3394; 4378; УШ, № 3198]. Встречается оно и в посвяtitельных надписях фракийских святилищ [33, с. 79]. Супруга воина Ольвия Бризеида, судя по имени, была отпущенницей ольвийской общины, бывшей храмовой рабыней — служительницей Ахилла [23, с. 13–14]. Римские воины довольно часто заключали брачные союзы с греческими и фракийскими отпущенницами [36, с. 259; 7, с. 203]. Не исключено, что одним из мотивов сближения Бризеиды с римским солдатом была их этническая близость. Показателен и другой факт. Мукотралис и Бризеида называли своего сына популярным в римской армии именем *Secundus*, снискав таким самым этнос ребенка. Фракийцы часто поступали подобным образом [3, с. 48]. Например, ветеран римской армии Аврелий Доризон, носивший обычное фракийское имя, назвал своего сына римским тотемным именем-кликлой *Lupus* — "Волк" [40, III, № 4369].

Имя принципала, солдата арматуры XI Клавдиевого легиона Галерия Монтана [46, № 236], кажется вполне обычным для римских легионеров [40, III, № 1593, 2916, 3256, 4756 и др.]. Может быть, поэтому имя принципала не привлекло особого внимания М.И.Ростовцева [28, с. 64]. Однако, по мнению В.Вешевлева, имя *Montanus* является латинской формой фракийского имени *ΜΑΝΤΑΣ* [3, с. 33]. Упоминание этого имени на фракийском посвяtitельном рельефе в святилище у города Перник [33, с. 176] свидетельствует, пожалуй, в пользу последнего предположения.

Латинские надписи в Ольвии немногословны. Создается впечатление, что латынь не стала для воинов гарнизона родным языком.

Попытка сделать посвятельную надпись фракийскому божеству на латыни закончилась казусом. Вместо *tempori bono* как перевода АГАВН ТУХН было вырезано *tempo bono* [46, № 171]. Заметим, что латинский язык не получил широкого распространения среди фракийцев как в первые века нашей эры, так и позднее [3, с. 48-50].

Этнический состав римского гарнизона Ольвии не был одинаков на протяжении всего периода оккупации города. Среди надписей первой половины III века следует выделить греческую эпитафию "гегемона" Дизиров [46, № 223]. И личное имя, и патронимикон "гегемона" — чисто фракийские [41, с. 101; 51, с. 258]. Характер надписи и памятника в целом, на наш взгляд, не дает оснований для вывода о местном происхождении отряда Дизиров и постоянных поселениях фракийцев в пределах ольвийского государства [23, с. 16]. Тем более, что название отряда связывается с названием местечка близ Филиппополя [37, с. 106]. Скорее всего дизиры были наемным фракийским отрядом, во главе которого стоял один из вождей родовой знати.

Большое значение в изучении истории Ольвии имеет надпись на плохом латинском языке, небрежно вырезанная на алтаре из местного известняка в 248 г.н.э. [46, № 167]. Это последняя точно определенная дата в истории ольвийского государства. Посвящение богу торговли Меркурию было сделано Пирром и Бифием. Налицо обычные фракийские широко распространенные имена. Имя Бифий часто встречается среди рабов фракийского происхождения [5, с. 70; 44, с. 98]. В посвящении отсутствует название подразделения, не указаны должности солдат, что не характерно для надписей легионеров. Вероятно, в III в., после того как Ольвия оказалась в стороне от главного театра военных действий [25, с. 19-22], легионные vexillationes заменили отрядами нумеров. Эти подразделения активно использовались римлянами для борьбы против варваров руками самих варваров еще со времен Адриана [52, с. 149-150]. Нумеры подвергались романизации в очень незначительной степени [36, с. 256-260; 25, с. 18] и использовались римлянами в критических ситуациях, но на второстепенных ролях.

Присутствие фракийцев среди римских солдат ольвийского гарнизона подтверждается наличием здесь во II-III вв. н.э. святилища фракийских богов [27, с. 14-16; 29, с. 33, 40]. Обломок посвященного рельефа с неграмотной латинской надписью [46, № 171] показывает, что появление святилища следует связывать с пребыва-

нием в городе солдат фракийского происхождения. Святилище, вероятно, располагалось на окраине римской Ольвии, близ башни у Заячьей балки [35, с. 1]. Такой выбор места традиционен для фракийских святилищ, которые располагались у крепостных стен, но не далеко от них, у дорог, ведущих в город [29, с. 4; 33, с. 15-16].

В Ольвии были обнаружены обломки мраморных посвяtitельных рельефов Матери богов, Сильвана, Фракийского всадника [46, № 170, 171; 29, с. 17]. В 1990 г. найден фрагмент мраморной votивной плитки с рельефным изображением Митры Тавроктона. Это первая находка такого рельефа в Ольвии, достоверно происходящая из слоя, которую справедливо связывают с наличием здесь святилища фракийских богов [21, с. 132-133]. Остатки фракийских посвяtitельных рельефов из Ольвии стилистически весьма близки памятникам, обнаруженным в результате раскопок на территории Болгарии [33, с. 107-109].

В надписях Ольвии I-II вв. н.э. упоминаются граждане, носившие фракийские имена: стратеги Дрибалис, сын Рапакей [46, № 80], Атадон, сын Метак [46, № 85, 106], Мукотралис, сын Дио... [24, № 139] и др. Таких имен немного. Сочетание фракийских имен с греческими именами и именами, имеющими иранские корни [46, № 80, 101, 102], показывает, что их носители были потомками варваров, среди которых были фракийцы, заполнившие греческие города Западного Понта и Ольвию после гетского нашествия [50, *Dio Chr.*, XXXVI].

Фракийский элемент присутствовал и в составе населения Боспорского царства первых веков нашей эры, на что указывают фракийские имена в местном ономастике [53, § 85, 117, 156, 157; 49, с. 303-330]. В связи с этим предполагалось наличие местного немногочисленного фракийского населения в пределах Боспорского государства [4, с. 237-242]. Появление фракийцев объяснялось также династическими связями царей Боспора и Фракии [26, с. 20-22; 22, с. 80]. На наш взгляд, следует также подчеркнуть, что появление фракийцев на Боспоре в значительной мере было обусловлено и римским влиянием.

В состав контингента римских подразделений, периодически стоявших на Боспоре, наряду с воинами Кипрской когорты [19, № 691, 726], входил отряд фракийцев [19, № 666]. На наш взгляд, ошибочно видеть в этом отряде У Фракийскую когорту римских вспомогательных войск [39, стб. 341]. Следует обратить внимание

на ряд особенностей надписи. Командиром фракийцев был "центурион" Див, сын Вифия [19, № 666]. К его воинскому званию добавлен термин *princeps*, который не использовался в регулярных войсках римской армии. Эпитафия вырезана на греческом языке, в ней не указывается номер части, должность командира определена нечетко. У покойного было чисто фракийское имя, составленное по аллинскому обычаю, не оставляющее сомнения в том, что "центурион" не был римским гражданином. Здесь уместно будет вспомнить, что боспорские владыки издавна прибегали к услугам воинов-наемников из Фракии [50, *Diod.*, XX, 22]. Тем не менее использование термина *KENTYPIEN* показывает, что отряд опекался римлянами и, очевидно, оказался на Боспоре не без их ведома. Подчеркнем факт, ранее не принимавшийся во внимание, — в надписи упомянута жена центуриона Елена. Ее присутствие на Боспоре вместе с отрядом делает вполне вероятным предположение о достаточно длительном пребывании здесь этого подразделения. До сих пор не определена цель, с которой размещался на Боспоре фракийский отряд. Маловероятно, чтобы отряд использовался для защиты Боспора [23, с. 15-16]. Во II-III вв. Боспорское царство обладало достаточно сильной собственной армией, состоявшей в основном из ополчения граждан и отрядов союзных племен. Присутствие в войсках отдельных наемных подразделений, пусть даже отличных воинов, какими были фракийцы, не определяло боеспособность армии. Скорее всего фракийский отряд выполнял не столько военные, сколько политические функции. Фракийцы могли обозначать римское присутствие на Боспоре, использоваться в качестве личной охраны проримски настроенных боспорских монархов и т.п.

На присутствие фракийцев в Херсонесе после М.И.Ростовцева на основе анализа посвяtitельных рельефов указывал А.Н.Щеглов [38, с. 135-177]. Некоторые исследователи при решении этой проблемы опирались на данные ономастики [42, с. 97, 450, 472; 49, с. 318]. Среди фракийских имен назывались следующие: Басс, Газурий, Герман, Дулон, Местрис, Сирион. Однако не все исследователи считают эти имена фракийскими. Так, И.Руссу не включил в число фракийских имя Газурий. Не относит он к числу фракийских и имя Местрис. Но фракийским он считает имя Дулон, хотя другие ученые с этим не согласны. Имеются сомнения по поводу фракийского происхождения имени Герман, которое могло образоваться от этника (германец) или от латинского прилагательного *germanus* (родной, единокровный). Это имя носили рабы [44, с. 98] и сво-

бодные. Среди последних встречаются лица восточного происхождения [43, с. 247]. В свое время мы уже высказывали сомнения по поводу фракийской принадлежности имени Газурий [16, с. 97]. Новые материалы, полученные нами при раскопках Херсонеса в виде надгробной эпитафии с именем Газурия, позволяют отнести это имя к числу малоазийских [12, с. 66-69]. На это указывают: малоазийская формула эпитафий с этим именем и малоазийские топонимы, имеющие сходство с именем Газурий - Газиура, Газакена и др.

Среди женских имен, которые принадлежали членам семей римских солдат, к числу фракийских М.И. Ростовцев относил имя Валерия Бесса, состоящее из римского номен Валерия и фракийского *соднател* Бесса [23, с. 14]. Это мнение подтверждается близкими этническими и топонимическими названиями во Фракии. Так, у фракийцев было племя Бессы, проживавшее в Родопской области, в верхнем течении р. Гебр (совр. Марица) [31, *strab.* VI, у, 12], а среди топонимов название *Bessapara* [6, с. 62].

Итак, судя по данным ономастики, в первых веках н.э. в Херсонесе появляются фракийские имена. Их появление связано не только с пребыванием в городе фракийцев из числа солдат римского гарнизона и членов их семей, но и с проникновением провинциалов из Фракии.

Еще больше свидетельств о фракийском элементе в Херсонесе дают памятники материальной культуры, в том числе из недавних раскопок и случайных находок. Частично это предметы привозные, а некоторые местного производства, но изготовленные по заказам фракийцев или под их влиянием.

В числе этих памятников следует назвать посвятельные предметы Зевсу Димеранскому, культ которого существовал у фракийцев в первых веках н.э. Мраморный алтарь с посвятельной надписью Зевсу Димеранскому (в надписи - Диберанскому) был случайно обнаружен при строительстве дороги в окрестностях Херсонеса, но опубликован только в 1970 году и, по мнению авторов публикации, принадлежал легионерам-фракийцам [9, с. 129-134]. Датируется памятник II-III вв. н.э. В 1974 году на дне Стрелецкой бухты был обнаружен краснолаковый кубок с графито-посвящением Зевсу Димеранскому, датируемый не ранее II в. н.э. Автор публикации [10, с. 56-58] считает, что посвящение сделано одним из римских солдат, уроженцем Фракии.

На существование фракийского святилища в Херсонесе рядом с казармой у городских ворот указывают находки мраморного [13, с. 268-269] и известнякового [17, с. 330] рельефов местного производства с изображением фракийского всадника, а также фрагмент посвященного мраморного рельефа с изображением Асклепия [14, с. 264-265]. Датируются эти памятники II в. н.э., что указывает на дату существования святилища.

В Херсонесе найден целый ряд предметов, точные аналогии которым имеются на территории Фракии и Мёзии, но в единичных экземплярах. Это может свидетельствовать о том, что попали они сюда не в результате экономических связей, а вместе с солдатами, членами их семей и другими лицами фракийского происхождения. К ним относятся бронзовая матрица с изображением Диониса в эдикуле [11, с. 62], аналогии которой хорошо известны в Нижней Мёзии и Фракии [47, с. 121, рис. 156-161]. Недавно найдена жанровая бронзовая статуэтка [15, с. 280], но чаще это бронзовые статуэтки божеств [2], которым Г.Д.Белов находил аналогии в Риме и западных провинциях Римской империи. На наш взгляд, эти предметы привезены из Мёзии и Фракии, где они были широко распространены в первых веках н.э. Именно оттуда они вместе со своими владельцами попали в Херсонес. Вероятно, это можно сказать и о части глиняных светильников мёзийского типа, хотя большинство из них оказалось здесь в результате экономических контактов [30, с. 94-100]. Обнаружены в Херсонесе две керамические краснолаковые пластины сердцевидной формы, украшенные резным орнаментом. Происходят они из одного погребения в херсонесском некрополе [20, с. 9, рис. 6], но назначение их пока не установлено. Совершенно аналогичные пластины, но с более нарядным орнаментом, были найдены в некрополе Пауталии первых веков н.э.¹ Это может указывать на то, что херсонесские керамические пластины привезены из Мёзии, а затем оказались в погребении их владельца — уроженца этой области. Заслуживает внимания предположение А.М.Гилевич, что наличие в одной из херсонесских могил монеты г.Коелы (Херсонес Фракийский) III в. н.э. может указывать на фракийское происхождение погребенных в ней [8, с. 54-56, рис. 3]. В пользу этого говорит и другая находка в этой могиле, которую автор публикации считала за четырехугольную пластинку с круглым медальоном в центре. На самом деле

¹ Пластины хранятся в окружном музее г. Кюстендила.

это обломки свинцового зеркала, от которого сохранились оправа и диск, на тыльной стороне которого изображены две птицы и двухстрочная надпись *ΚΥΡΕΙΑ ΔΩΡΟΝ*. Совершенно аналогичные зеркала — обычная находка в городах Западного Понта и Фракии. Большая коллекция таких зеркал имеется в фондах Археологического музея г. Варна¹.

Встречаются в Херсонесе единичные находки краснолаковой посуды с рельефным орнаментом, совершенно аналогичной той, которая производилась в Нижней Мэзии [32, с. 30, рис. I], а также обломки-mortариев с латинскими клеймами [18]. Малочисленность этих предметов не позволяет считать их объектами торговли, а только инвентарем, сопровождавшим солдат и членов их семей, в том числе и фракийцев, проживавших в Херсонесе.

Итак, новые археологические и эпиграфические источники, ономастические данные во многом дополняют имеющиеся свидетельства о фракийцах в Северном Причерноморье в первых веках н.э. Это были солдаты римской армии, воины наемных отрядов, члены их семей и родственники, а также выходцы из провинций Мэзия и Фракия, постоянно здесь проживавшие. Выявлены не только их имена, памятники материальной культуры, но и фракийские святилища, установлены божества, которым они поклонялись, расширены представления об их быте и культуре.

Л и т е р а т у р а

1. Банев К., Лазов Р. Тракийската романизация *extra fines* // България в светът през вековете. — София, 1983. 2. Белов Г.Д. Бронзовые статуэтки из Херсонеса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — Л., 1968. 3. Вешевлиев В. Проучвания върху личните имена у траките. — София, 1965. 4. Блаватский В.Д. Вопрос о фракоязычном населении в Прикубанье и Боспорском государстве // Блаватский В.Д. Античная археология и история. — М., 1985. 5. Велков В. Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI — II вв. до н.э. // Вестн. древ. ист. — 1967. — № 4. 6. Георгиев В. Тракийският език. — София, 1957. 7. Геров В. Проучвания върху западнотракийските земи през римското време // Годишник на Софийския ун-тет. Филос.-филолог. фак., 1961. — Т. 54. 8. Гилевич А.М. Могила с двумя подбоями // Сбобщ.Херсонес.

¹ Пользуемся случаем, чтобы выразить благодарность А. Минчеву, обратившему наше внимание на эту коллекцию.

- музея. 1961. - Вып. 2. 9. Граков Б.Н., Виноградов Ю.Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // Вестн. древ. ист. - 1970. - № 3. 10. Золотарев М.И. Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому // Крат. сообщ. Ин-та археологии АН СССР; 1981. - Вып. 168. 11. Кадеев В.И. О культурных связях Херсонеса Таврического с Фракией и Мезией в первых веках н.э. // Вестн. Харьк. ун-та. - 1988. - № 316. 12. Кадеев В.И. Новый надгробный памятник П в. н.э. из Херсонеса // Крат. сообщ. Ин-та археологии АН СССР, 1985. - Вып. 182. 13. Кадеев В.И. Раскопки в Херсонесе // Археолог. открытия 1970 года. - М., 1971. 14. Кадеев В.И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // Археолог. открытия 1981 года. - М., 1982. 15. Кадеев В.И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // Археолог. открытия 1983 года. - М., 1985. 16. Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. - Харьков, 1981. 17. Кадеев В.И., Романчук А.И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // Археолог. открытия 1975 года. - М., 1976. 18. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Північне Причорномор'я та Західний Понт: проблема контактів // Археологія. - 1984. - № 4. 19. Корпус боспорских надписей. - М.; Л., 1965. 20. Косцюшко-Валюжинич К.К., Скубетов М.И. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году // Изв. Археолог. комиссии, 1907. - Вып. 42. 21. Крапивина В.В. Вотивный рельеф с Митрой из Ольвии // Ист. и археол. Слободской Украины. - Харьков, 1992. 22. Крыкин С. Фракийский субстрат в античных колониях Северного Причерноморья // *Thracia*, 1988. - 8. 23. Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России // Изв. Археолог. комиссии, 1904. - Вып. 10. 24. Надписи Ольвии. - Л., 1968. 25. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. - М., 1954. 26. Ростовцев М.И. Бронзовый бюст Боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Труды Моск. археолог. о-ва. - М., 1916. - Т. 25. 27. Ростовцев М.И. Военная оккупация Ольвии римлянами // Изв. Археолог. комиссии, 1915. - Вып. 58. 28. Ростовцев М.И. Новые латинские надписи с юга России // Изв. Археолог. комиссии, 1908. - Вып. 27. 29. Ростовцев М.И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // Изв. Археолог. комиссии, 1911. - Вып. 40. 30. Сорочан С.Б., Шевченко А.В. Западнопонтийские светильники II-VI веков н.э. // Вестн. Харьк. ун-та, 1983. - № 238. 31. Страбон. География. - М., 1964. 32. Султов Б. Един занаятчийский центр в Долна Мизия // Археология. - 1962. - Кн. 4. 33. Тракийски све-

- тилища // Тракийски паметници. - София, 1980. 34. Трещева Ю.Н. Просопография должностных лиц Ольвии I-III вв. н.э. // Вестн. древ. ист. - 1977. - № 4. 35. Фармаковский Б.Д. Раскопки в Ольвии // Отчет Археолог. комиссии за 1904 г. - СПб., 1907. 36. Штаерман Е.М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // Вестн. древ. ист. - 1946. - № 3. 37. Штерн Э.Р. О последних раскопках и находках в Ольвии // Зап. Одес. об-ва истории и древностей, 1900. - Т. 22. 38. Щеглов А.Н. Фракийские посвяtitельные рельефы из Херсонеса Таврического // Древ. фракийцы в Север. Причерноморье. - М., 1969. 39. *Cichorius Cohors* // *Pauli-Wissowa-Kroll, Real-Enzyklopädie der Klassischen Altertumswissenschaft, 1900. Bd. 4.* 40. *Corpus inscriptionum latinarum. V. 1-15. - Berolini, 1863-1899.* 41. *Dean L.R. A Study of Cognomina of Soldiers in Roman Legions. - Princeton, 1916.* 42. *Detschew D. Die Thrakischen Sprachreste. - Wien, 1957.* 43. *Fink R. Q. Roman military Records on Papyrus. - Princeton, 1971.* 44. *Gordon M.L. The Nationality of Slaves under Early Roman Empire // Journal of Roman Studies. 1924. Vol. 14.* 45. *Kajanto J. Supernomina. A Study in Latin Epigraphy. - Helsinki, 1966.* 46. *Latyschev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini: V.1. - Ed. 2. - Petropoli, 1916.* 47. *Majewski K. Kultura rzymska w Bulgarii. - Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.* 48. *Mateescu G.G. Nomi traci nel territorio scito-sarmatico // Ephemeris Dacoromana. 1924. T. 2.* 49. *Russy J. J. Elemente traco-getice in Scitia si Bosporul Cimmerian // Studii si cercetari de istorie veche. 1958. T. 9. № 9.* 50. *Scythica et Caucasica e veteris scriptonibus Graecis et Latinis, Vol. 1-2. - Petropoli, 1893-1906.* 51. *Vlahov. Typologie und Chronologie der Personennamen bei den Thrakern // Thracia. Vol. 1. - Serdicae, 1972.* 52. *Webster G. The Imperial Army of the First and Second centuries A. D. - London, 1969.* 53. *Zgusta L. Die Personennamen Griechischen Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste. - Praha, 1955.*